

Начальникъ тишины.

Ты бо Богоневѣстная начальника тишины
Христа родила еси, Едина пречистая.

Изъ Богородичнаго канона.

I.

Въ нашемъ воспріятіи родина всегда двоится—до противоположности, до несоединимости,—на *Россію* и *Русь*. Какъ хорошо знаемъ мы первую и какъ мало вторую!—такъ мало, что даже спрашиваемъ себя часто: да есть-ли вторая? есть-ли Русь? что если, въ дѣйствительности-то, и есть только одна Россія, Русь-же, особенно съ прибавкой: *святая*—лишь мечта, славянофильскій призракъ, православный самообманъ, націоналистическая ложь? Достаточно одного примѣра, чтобы показать, какъ близки мы къ такому заключенію. Святая Русь—это Россія въ храмѣ, на молитвѣ, передъ образомъ, Россія съ восковой свѣчкой въ рукѣ, съ радостью и упованіемъ о Христѣ въ сердцѣ, съ вѣдѣніемъ Его—въ разумѣ, съ устремленіемъ своей воли къ Его волѣ: „да будетъ воля Твоя“. Гдѣ жъ *эта* Русь—въ нашей новѣйшей исторіи, въ государственномъ дѣйствованіи, въ нашемъ общественномъ сознаніи, въ философскомъ построеніи, въ литературѣ, въ искусствѣ? Гдѣ жъ *эта* Русь, которую „въ рабскомъ видѣ Царь Небесный исходилъ, благословляя“?—(Назову ее Тютчевской Русью, по имени поэта, такъ живо и глубоко ее восчувствовавшего,—въ отличіе отъ той Гоголевской Россіи, которую извѣздилъ въ бричкѣ Чичиковъ и которая такъ всѣмъ извѣстна: сказаніями о ней заполняются ежедневно столбцы газетъ, которая такъ легко примѣтна и такъ явна).—Признается обычно, что русская литература — выразительница нашей русской подлинности, нашего русскаго лица.

Такъ ли это?

До чего было мало *храма* въ русской литературѣ! Не оттого-ли большинству писателей и читателей нашихъ Россія всегда представлялась только Гоголевской Россіей, населенной городничими, помѣщиками, мужиками Глѣба Успенскаго, чиновниками Щедрина, интеллигентами Чехова, а Тютчевская Русь—Русь преподобнаго Серафима и прибѣгавшей къ нему миллионной вѣрующей Россіи—казалась празднымъ славянофильскимъ вымысломъ, религіозно-романтической мечтой, мессіанистическимъ вздоромъ! У Гоголя, у вѣрующаго и православнаго Гоголя, все его *художественное* слово прошло мимо храма, молитвы, вѣры, мимо Руси: если Чичиковъ, бѣдный Акакій Акакіевичъ, городничій—на первомъ планѣ, загораживая собою всю Россію, если добродѣтельные помѣщики 2-го тома—на второмъ, то храмъ и церковь—просто—ни на какомъ, какъ будто ни его, ни того, что около него и отъ него, никогда и не было въ Россіи. Послѣ Гоголя такъ у всѣхъ, кромѣ Достоевскаго и Лѣскова: у Гончарова храмъ и Россію около храма стали загораживать Обломовы, у Тургенева—лишніе люди (только Лиза да „Живыя мощи“—исключеніе), у Островскаго—самодуры „темнаго царства“, у Чехова—безконечные интеллигенты, о Щедринѣ—и говорить нечего. Выходило такъ, что ни у мужиковъ—а они-ли не прилежны ко храму, не прибѣгатели къ Заступницѣ Усердной!,—ни у купцовъ—а они-ли не радѣтели хотя бы обряда и быта, создавшихся около церкви!,—ни у дворянъ—ѣздили же и изъ нихъ многіе къ старцу Серафиму въ пустыньку, вышли же изъ нихъ славянофилы съ Иваномъ Кирѣевскимъ!,—ни у кого не было никакой связи съ храмомъ, никакого касанія къ нему; выходило такъ, что въ русской жизни не было ничего изъ того, что накапливалось вѣками вокругъ храма и церкви и что вольно или невольно сочилось изъ нея въ жизнь, въ семью, въ личность, въ исторію: ни чувствъ, ни мыслей, ни душевныхъ движеній, ни дѣйствій, связанныхъ съ нею или отъ нея какъ-то зависящихъ. Перечтите повѣсти Тургенева, романы Гончарова, драмы Островскаго, рассказы Чехова—что узнаете вы изъ нихъ о *вѣрующемъ* русскомъ народѣ, о народѣ, не только страдающемъ, нуждающемся въ социальныхъ и политическихъ переустройствахъ, но и *живущемъ въ Церкви и церковно*,

укрѣпляющемъ себя молитвой, просвѣтляющемъ себя вѣрой въ Христа. Пьютъ, ѣдятъ, пашутъ, страдаютъ, бунтуютъ, скорбятъ, разсуждаютъ, умираютъ — когда же и какъ молятся, вѣруютъ, живутъ въ Церкви? или, можетъ быть, вовсе не живутъ въ ней и она — какой-то добрый миражъ: ужъ не славянофилы-ли и ее выдумали за одно со „святой Русью“? Въ интеллигентскомъ сознаніи и представленіи эти ѣдящіе, пашущіе, страдающіе, бунтующіе, разсуждающіе мужики, помѣщики, чиновники и интеллигенты застили, заслонили собой, вытѣснили тѣхъ помѣщиковъ, интеллигентовъ и мужиковъ, существованіе которыхъ засвидѣтельствовано исторіей и которые наверху дали Хомякова, Тютчева, Достоевскаго, Кирѣевскихъ, Самариныхъ, Аксаковыхъ, людей вѣры и мысли, а внизу тѣхъ безсчетныхъ праведниковъ народной вѣры и воли, которые, какъ святой обрядъ, проводили свою тяжкую жизнь, какъ праведники, умирали и, какъ грѣшники, своей народной душой взыскивали правды Христовой въ Саровѣ, въ Оптиной пустыни, всюду и вездѣ. Высочайшая точка новой русской исторіи, средоточіе всей ея духовной силы и красоты, благодатный алмазъ Руси, неподобный Серафимъ Саровскій — дитя этой Руси, вышедшій изъ того „темнаго царства“, которое такъ шумливо высмѣивалось умниками 60-ныхъ годовъ, — и если бъ мы не знали ничего и ни о комъ иномъ, одинъ фактъ существованія преп. Серафима открылъ бы предъ нами существованіе въ Гоголевской Россіи — *святой Руси*.

Неполновѣсность, неполнота, явная недостаточность той Россіи, которую открывали Гоголь и шедшіе за нимъ, сопровождалась губительной неполнотою нашего воспріятія и представленія Россіи. Мы съузили, обезкрылили, обездушили Россію, сведя ее всю на Россійскую имперію, нуждающуюся въ реформахъ, конституціи и интеллигентахъ. Именно эту Россію, — на самомъ дѣлѣ лишь часть подлинной Россіи, — мы знаемъ по преимуществу, если не исключительно, именно отъ нея страдаемъ, мучаемся ея судьбами, огорчаемся ея неудачами, и когда намъ кажется, что *эта* Россія гибнетъ, когда *ей* угрожаетъ смертельная опасность, намъ представляется, что гибнетъ *вся* Россія. Намъ представляется, что Россія исчерпаема ея историческими добродѣтелями и грѣхами, социальнымъ и общественнымъ ея тѣломъ, ея эмпирикой, и когда здѣсь

намъ видится нѣкое дно, нѣкое темное и безвыходное дно,—будетъ ли это историческая неудача или социальнополитическій тупикъ,—намъ уже начинаетъ казаться тогда, что исчерпана вся Россія, что мы, дѣйствительно, дочерпались до ея подлиннаго, послѣдняго, окончательнаго дна, которое плоско, мутно, вязко,—и тутъ насъ охватываетъ безудержное отчаяніе. Нѣтъ надобности напоминать о немъ: переживалось оно послѣ 1905-го года, переживаетъ его значительная часть нашего общества и нынѣ, въ дни войны, влекущія грозныя силы надеждъ и отчаянія. Мы забываемъ, что за этимъ дномъ, за этой мутной толщей русской эмпирики политической, государственной, социальной, общественной, начинается подлинная русская глубина—*начинается Церковь*, начинается русскій народъ, живущій въ Церкви и церковно, какъ часть Церкви Христовой, т. е. часть Тѣла Христова. Изъ-за *Россіи* мы часто не видимъ *Руси*, но оттого мы не видимъ понастоящему и Россіи. И часто вспоминаешь слова Тютчева о „гордомъ взорѣ“, который здѣсь оказывается взоромъ не иноплеменнымъ, а своимъ же русскимъ, и который все таки, какъ и тотъ

Не пойметъ и не замѣтитъ,
Что сквозить и тайно свѣтитъ
Въ *наготѣ* твоей смиренной.

Эта *нагота* всяческая: и государственная, и социальнополитическая, и бытовая, и психическая, и просто физическая нагота, удручающая въ Россіи, глубокой тоской она ранитъ насъ всѣхъ и заститъ намъ то, „*что сквозитъ и тайно свѣтитъ*“ за нею. Въ эту *наготу* упирался нашъ взоръ непрерывно—и упирается доселѣ. Но прикрываемали и исцѣливали эта нагота съ ея ранами и язвами безъ вѣры въ *святящее* за ней? Въ наши тяжкіе и грозные дни позволительно и другой вопросъ: переносимъли, стерпимъли для глаза самый видъ этой *наготы*,—если не разглядѣть сквозь нее хотя бы самый слабый и тусклый лучикъ этого тайно свѣтящаго свѣта? Думаю, что нѣтъ; думаю, что если за безудержнымъ плачемъ Россіи не слышать хотя бы полуслова молитвы Руси, если за мятущейся смутой и кипѣніемъ Россіи не познать хотя бы на мгновение благодатнаго Христова покоя и тишины той Руси,—думаю, тогда не выдержать, не перенести ни этого плача, ни этого мятежа и смуты.

Все послѣдующее—лишь попытка показать, описательно и неполно, два слабыхъ и мгновенныхъ касанія къ этому „тайно свѣтящему“ Руси, которыя однако, при явной неполнотѣ, слабости и краткости, сдѣлали для меня переносимымъ видѣ наготы русской, — наготы матери моей, родины,—въ наши страдные дни.

Мнѣ кажется, что на совсѣмъ простыхъ и самыхъ обыкновенныхъ рядовыхъ людяхъ русскихъ я увидѣлъ, тоже совсѣмъ просто и явно, малый и скудный, но подлинный отблескъ того, „что сквозить и тайно свѣтитъ въ наготѣ“ современной Россіи.

Вотъ и все, о чемъ я хочу рассказать.

II.

Лѣто 1915-го года на сѣверѣ и въ средней Россіи было ржаное лѣто.

Хлѣба стояли высокіе и густые. Въ круглыхъ котловинкахъ,—а ихъ много въ поляхъ нижегородскаго Заволжья,—рожь зыблилась и играла, какъ ребенокъ въ зыбкѣ. Тихо плескались перепела въ самой гущинѣ ржи. Рожь, какъ молодая русая богомолка, низко была поклоны до земли и быстро поднималась съ нея, стройная и высокая. Васильковъ было мало—и тѣмъ крупнѣй и синѣй казались ихъ живые самоцвѣты въ сияющемъ ржаномъ золотѣ. По вечерамъ пахло медвяно и густо зрѣющей рожью и тепломъ, мягкимъ, землянымъ, хлѣбнымъ. Урожай—вотъ что значило все это: урожай даже тамъ, гдѣ почти не бываетъ урожая—въ глинистомъ скудномъ нижегородскомъ Заволжьѣ.

Въ Москвѣ, среди интеллигентовъ, среди всякихъ народолюбцевъ, объ этомъ говорилось мимоходомъ:

— Да, урожай. Но какъ-то мы его реализуемъ? Вагоновъ не будетъ. Хлѣбъ будетъ гнить. Конечно, урожай. Но вѣдь мы и съ урожаемъ не справимся.

Иные добавляли:

— Знаете, однако урожай—это новый союзникъ противъ вѣмцевъ.

И завязывался обычный разговоръ на политико-экономическую тему.

Въ Заволжьѣ-же, на десятки и сотни верстъ вокругъ озера Свѣтлояра, урожай—это была всенародная радость, тихая, сосредоточенная, глубокая.

— Будемъ съ хлѣбомъ,—говорили всѣ, прибавляя неизмѣнно: если Богъ дастъ убрать...

Но за этимъ, за радостью о насущномъ хлѣбѣ, была и совсѣмъ другая, еще болѣе утайная и благоговѣйная радость:

— Уродилъ Богъ. Значить, не до конца прогнѣвали.

Это было знаменіе Божіей милости: ржаное поле, полное полноувѣснымъ хлѣбнымъ золотомъ, стало радугой, знаменующей, что гнѣвъ Божій пройдетъ, а милость останется:— вотъ, не отнялъ-же хлѣба насущнаго,—значить, жить еще будемъ, значить, хочеть, чтобъ Россія жила.

Мужики, сурово-тихіе и спокойные, заходили на межу и равнялись ростомъ съ колосьями: выходило, что рожь выше роста человѣческаго. На вопросъ: — „Ну, какъ рожь? хороша?“ — отвѣчали, какъ про живого ребенка, который растеть не по днямъ, а по часамъ:

— Вотъ какъ: медвѣдь медвѣдемъ стоитъ.

И опять тѣ же, все тѣ же слова:

— Уродилъ Господь. Обрадовалъ: не въ конецъ гнѣвъ Его.

— Не до конца. Не вовсе отвратилъ лицо. Обрадовалъ.

И крестились всѣ, разомъ, и вздыхали, и опять крестились.

Было ясно для меня: этотъ созрѣвавшій хлѣбъ ржаной они принимали, какъ хлѣбъ небесный.

Двоилась родина: *Россія* учитывала, сколько уродится пудовъ, сколько потребуется вагоновъ, какіе будутъ неурядки на желѣзныхъ дорогахъ, какія спекуляціи создадутся на почвѣ урожая, какъ будетъ дѣйствовать или бездѣйствовать правительство, — *Русь* же радовалась, что Богъ не до конца забылъ ее, не до конца, не до смерти казнить ее, а вотъ шлетъ ей земную радугу—золото урожая, но она — только предвѣстіе иной радости: золотѣ небеснаго, пребыванія въ милости и любви Господней.

Рожь плавными, широкими, уходящими за окомъ рѣками вливается въ тихо плещущее, свѣтлое, круглое озеро. Съ другого берега къ нему подходит вплотную и наклоняется надъ нимъ лѣсъ. Кажется, что ржанья волны безшумно и плавно вольются сейчасъ въ рябющую на вѣтру воду. И волну-

ются волны земныя и волны водныя, а надъ ними, въ синемъ небѣ, волнами проходятъ облака.

Сюда, къ этому озеру, затерянному во ржи и въ лѣсахъ, сходятся на Владимірскую, на ночь съ 22 на 23 июня, въ самый разгаръ сельскихъ работъ, взыскующіе града невидимаго Китежа, тоскующіе по церкви Христовой, ищущіе ее, Соборную, Вселенскую, Вѣчную,—или враждующіе съ Ней, сторонящіеся Ея, и все-таки влекущіеся сюда же, гдѣ такъ ясна Ея правда, гдѣ такъ видны Ея невидимыя стѣны, гдѣ ближе и необходимѣй глубокая жизненная нужда не просто въ вѣрѣ, не просто въ Богѣ, а въ церковной, соборной вѣрѣ — въ Церкви, соединяющей Бога и челоуѣка неразрывно и нерушимо. Такъ было долгія десятилѣтія: каждый годъ сходились сюда и молились всѣ сообща, разными молитвами, но объ одномъ: чтобъ быть всѣмъ въ Богѣ въ одно тѣло и въ одну душу, и въ духъ одинъ — молились о Церкви ¹⁾. Такъ было, но ѣхаль я и думалъ: А теперь сойдутся ли?

Не подавила ли *Россія* своими бѣдами и испытаніями и этихъ, которые больше отъ *Руси*, чѣмъ отъ *Россіи*? Взыскивать Невидимаго Града, когда одинъ за другимъ разоряются видимые города, свои же, кровные; молиться на незримыя стѣны Китежа, когда падаютъ съ потрясающей быстротой крѣпчайшія стѣны крѣпостей. Гдѣ же силы на это? И какія же должны быть эти силы? И все-таки вѣрилось, что придутъ, сойдутся, помолятся. И пришли, и помолились.

Притихла Россія—та Россія, что и тамъ есть, на Свѣтлоярѣ. Нѣтъ пѣсенъ, нѣтъ шума. Ярмарка, раскинувшаяся вблизи озера, словно бы и не ярмарка: такъ тихо и мирно; истово ѣдятъ за столами, въ палаткахъ, утыканныхъ березками; подаютъ гроши нищимъ, пьютъ сбитень, поятъ лошадей; старушки у озера ищутъ цѣлительную травку. А на лѣсистыхъ холмахъ у озера уже собираются пришедшіе издалека на китежскій день и китежскую ночь. День облачный. Будетъ, должно быть, гроза. Смотришь на эти круги народа, тихо и чинно собирающагося въ лѣсу, гдѣ-нибудь на хвой-

¹⁾ Сказанію о незримомъ Градѣ Китежѣ и уясненію его религіознаго смысла посвящена моя книга: „Церковь невидимаго града. Сказаніе о градѣ Китежѣ“. М. 1914 г. К-во „Путь“.

ной полянкѣ, и думаешь: „Война, да вѣдь война же? А развѣ они о ней? И если даже о ней, то такъ ли говорятъ о ней, какъ мы, тамъ, въ городахъ?“

Не то говорятъ, не о томъ говорятъ и не такъ говорятъ.

Никогда не слыхалъ ни одного спора въ кругѣ, въ который собрались люди разновѣрные, разномысленные, внѣшне-чужіе, внутренне-близкіе этой русской неутолимой жаждой— „взыскивать града незримаго“. Кругъ начинается съ двухъ-трехъ человекъ. Затѣваютъ не споръ, не дискуссію, какъ мы, а „пытаютъ“ другъ у друга: „Бога какъ вѣдаешь? Кому молишься?“ Отвѣчаютъ. Слушаютъ отвѣтъ. Подходятъ новыя, другіе, третьи—слушаютъ. Если бы имъ предложить предсѣдателя — и сѣсть ему не на чемъ: развѣ на пенькѣ, и не нуженъ: улыбнулись бы на это. Слушаютъ тихо, спокойно: куда спѣшить? Дѣло Божье, и нужно гнать отъ него суету. Не любятъ суеты. Слушаютъ, пока не кончитъ говорящій: тогда отвѣчаетъ ему кто-нибудь одинъ, или спрашиваютъ, сначала одинъ, потомъ другой. И если спрашивание растеть, а отвѣты слабѣютъ, и явно станеть, что не скажется что-то до конца, что правда искомая не восполнится, что уже все сказалъ, что могъ, говорившій, и этого мало, этимъ не напитаешь религіозной жажды слушающихъ—тотъ, кто говорилъ самъ знаетъ, что ему дѣлать: онъ молча выходитъ изъ круга. Слушаютъ такъ, какъ мы не умѣемъ слушать. Слово для нихъ—не слово, а какая-то крышка съ бездоннаго колодца: нужно ее снять или приподнять, а тамъ глубина и вода. Какая вода? Прѣсная? Соленая? Вкусная? Горькая? Какая жизнь—въ Богѣ, или безъ Бога? И если съ Богомъ, то какъ живешь, какъ мыслишь, какъ поступаешь, какъ работу работаешь? Какъ входишь въ Бога и какъ Богъ въ тебя? Слушаютъ иначе—иначе и говорятъ. Наши слова—ассигнаціи, которыя еще надо оплатить золотомъ, ихъ слова—золото, неумѣлой, грубой, своей чеканки, но подлинное золото. Оттого оно тяжело на вѣсъ, оттого его немного; а наши ассигнаціи и легки, и многочисленны.

Тихо, тихо въ лѣсу. А толпа тысячная. Вотъ большой и широкій кругъ. Тѣсно. Стоять плечо къ плечу. У сосны стоитъ худой съ изжелта-бѣлымъ лицомъ мужикъ, молчаливый и нищій. Мало у него словъ, а ихъ у него просятъ: нужна и *его* жизнь, и *его* мука о Богѣ, нужна вотъ этимъ

молчаливымъ и ждущимъ, и онъ знаетъ это, и говорить черезъ силу. Мука у него безысходная:

— Хоть бы одно слово о Богѣ было Божье! Всѣ слова о Богѣ человѣческія, а человѣкъ солжетъ, обманется самъ и другого обманетъ.

Онъ не сектантъ: съ такой мукой невѣрія въ слово — не примутъ ни въ одну секту.

— А Христа принимаешь?—спрашиваютъ его.

— Христа знаю, а ничего не знаю, что Его, что людское.

— Почему не знаешь? А Евангеліе читалъ?

— О Немъ писали, не Онъ писалъ. Богъ, знаешь, книгъ не писалъ,—и ничего мы не знаемъ. Божье съ человѣческимъ смѣшалось—и разбору нѣтъ.

— Какъ же тебѣ жить-то?—жалуютъ его.

— Живу.

И вдругъ съ глубокой и ясной тоской онъ тихо-тихо договариваетъ:

— Эхъ, если бы отъ Него самого про Него узнать.

— Отъ кого это?

— Отъ Христа.

Мужикъ не одинъ: у него дружокъ — старикъ маленькій сидитъ у сосны на корточкахъ. Ничего не говоритъ. Лицо дѣтское, какъ печеное яблочко, съ розовымъ запекаемымъ румянцемъ. И улыбка не сходитъ съ лица, но грустно и жалко на сердцѣ отъ этой улыбки.

— И дѣдъ такъ же? — спрашиваютъ мужика, — какъ ты? Какъ же вы безъ Христа-то?

— Милые, какъ же безъ Христа-то?

— Что Его, что людское—не знаемъ. Его знаемъ, а про Него ничего не знаемъ.

Кто-то срыву, совнѣ, грубо выбрасываетъ слово:

— Антихристъ онъ, дѣдъ-то.

Но какой онъ антихристъ? Онъ виновато жметъ, какъ калѣвка, подъ сосной и молчить. Онъ ни о чемъ не знаетъ: объ антихриствѣ такъ же, какъ о Христвѣ. Людское заститъ ему Божье—и заститъ сплошь, а смѣшаннаго взять: Божьяго съ людскимъ и тамъ отыскивать чистое Божье—страшно: ну какъ людское поставишь вмѣсто Божья? И тогда воистину будешь отъ антихриста. И дѣдъ жметъ къ стволу сосны, приминая мохъ. Страшно—не знать!

— И ты съ ними? — спрашиваютъ парня въ суконой курткѣ, въ чистенныхъ сапогахъ, съ зонтикомъ въ рукѣ.

— Нѣтъ, я по себѣ,—отвѣчаетъ онъ.

У него лицо въ рябинахъ, бѣлое, матовое и маленькіе сѣрые глаза: они стоячіе какіе-то: остановятся на человѣкѣ и смотрятъ, не двигаясь, остро, сверлисто, одиноко, — но больше всего одиноко.

— Я по себѣ, повторяетъ онъ.

— Объяви, къ кому прилежишь, — проситъ молоденькій миссіонеръ изъ семинаристовъ.—Какъ зовутъ?

— Какъ ни зови, все будетъ вѣрно.

И отрывисто, не спѣшно, парень заговорилъ: было видно, какъ онъ внутри себя что-то пропускалъ, что-то обходилъ, но *главное* было—и было сказано просто, ясно и крѣпко. И нестерпимымъ одиночествомъ вѣяло отъ этого: какъ будто растрескались губы, запекшіяся отъ религіозной жажды, и готовы пить всякую воду, гніющую, тинистую, лишь бы *пить*. Тѣло и духъ—двое въ человѣкѣ, какъ этажъ на этажѣ; они только внѣшне сдѣланы: внутри ничего нѣтъ общаго, все свое у каждаго, и каждый ведетъ свою жизнь за одного себя. Грѣха нѣтъ: его не можетъ быть.

— А блудъ?

— Нѣтъ его. Плоть блудила, не я.

— А если убилъ, а ограбилъ?

— Не я убилъ, не я ограбилъ: плоть.

Плоть блудитъ, плоть грабитъ, плоть убиваетъ. Духъ ни при чемъ. Не духово дѣло. Плоти дѣло. Въ ея дѣлѣ духъ не участвуетъ. И захотѣлъ бы—не можетъ.

— А если умрешь?

— Плоть умретъ. Сгниетъ, какъ песь.

— А духъ?

— Духъ уйдетъ.

— А душа?

— Нѣтъ ея.

Опасливо и осторожно разспрашиваютъ: какъ же такъ? страшно тебѣ въ твоей пустынѣ-то? Какъ же ты можешь это вмѣстить въ себѣ? Какъ же можешь жить съ этимъ?— вотъ о чемъ хотятъ знать. Говорятъ со строгостью и глядятъ съ суровымъ вниманіемъ.

— Какъ же ты? а если согрѣшишь, сблудишь, солжешь?

— Пусть ее отблудится, отолжется. На то она и плоть. А я и захочу сблудить—не могу. Духъ безблуденъ. Онъ ни при чемъ. Не его дѣло.

— Господи!—вздыхаетъ кто то въ кругѣ. И страшно, и тихо звучить на этотъ разъ Имя Божіе.

— Тѣло, значить, плоть блудить?—спрашиваютъ парня.

— Плоть.

— А духъ нѣтъ?

— Нѣтъ.

— А мертвый человекъ блудить можетъ? Убить можетъ?

— Не можетъ.

— Какъ же? мертвый вѣдь тоже тѣло,—тѣло, выходить, осталось, духа нѣтъ, а убить не можетъ. Какъ же ты?

Разсудочно доказано, логикой убѣжденъ парень. Онъ и уходитъ изъ круга, но онъ тотъ же, онъ съ своей страшной и упорной силой, со своей пустыней. Этой логикѣ онъ сказалъ: да, правильно; возраженіе онъ призналъ; да, пью гнилую воду. Но что же? И вопреки логикѣ будетъ жить, какъ жилъ, только бѣлое лицо еще блѣднѣй. Нѣтъ у него иной воды, живѣй и чище, за нею и пришелъ сюда, къ Незримому Граду. Пока же и своей мутной воды боится лишиться. Онъ уходитъ одинъ куда-то въ лѣсъ. Я не могъ его найти потомъ.

Второй кругъ еще больше, еще сложнѣй. Не передашь, не расскажешь, какъ общая боль, общая надежда о Церкви написана здѣсь на каждомъ лицѣ, вкраплены въ каждую душу, запечатлѣны въ каждомъ словѣ. Тутъ самое важное, опредѣляющее все другое: *Христосъ и Церковь*. Ясно одно: если принять Его всего, всецѣло, до конца, съ Нагорной Проповѣдью, съ Страшнымъ Судомъ, съ Голговою, съ Воскресеніемъ, съ Апокалипсисомъ, если принять Его, о которомъ ангелы пѣли, какъ о принесшемъ „на землю миръ“ и Его же, принесшаго „не миръ, но мечъ“,—то примешь и Церковь Его. Если же выберешь по своему произволу нѣчто изъ Христа—или нагорную проповѣдь, или Апокалипсисъ, то не примешь Церкви, уйдешь изъ Нея, возненавидишь—и будешь вновь искать Ее, ибо нѣтъ жизни внѣ и безъ Нея. Вотъ рѣчь идетъ о томъ, есть ли въ Церкви теперь, въ наши дни, учителя, священники и пророки.

— Нѣтъ, говорятъ одни, — молчать пророки, нѣтъ учителей. Поповъ сколько хочешь.

— Есть. — отвѣчаютъ имъ. — Есть и будутъ. „Воздвигну Церковь Мою и врата адава не одолѣютъ Ея“.

Стоитъ мужикъ въ кругу — высокій, сѣдой, съ высокимъ лбомъ на умномъ открытомъ лицѣ. Сколько воли и силы въ этомъ лицѣ и какъ оно могуче-прекрасно! Всѣ зовутъ его по имени и отчеству. Многіе уже встрѣчались съ нимъ раньше. Онъ ни съ кѣмъ не согласенъ, но и нѣтъ у него несогласія:

— Что спорить! Всѣ правы, никто не правъ.

Для него покончено со всѣмъ:

— Христа слушалъ — до Откровенія все явно Онъ велъ, всѣ нитки къ одному, все въ одно мѣсто, а тамъ все Христось спуталъ, все перепуталъ и въ узелъ связалъ накрѣпко. Не развяжемъ. Ничего не видно. Конца нѣтъ. Ходилъ я. Будеть съ меня. Пятнадцать губерній обошелъ—концы искалъ: гдѣ спрятаны, въ какой вѣрѣ обозначатся. Не видать. Не нашель. Живу—и нѣтъ ничего.

— Ничего нѣтъ?

— Будто ничего, — отвѣчаетъ. — Живешь — ничего будто нѣтъ, а только если заплутаешься въ чемъ, заминка выйдетъ,—будто тутъ что-то и обозначится и окажется, какъ будто и есть.

— Богъ это,—сказали въ толпѣ.—Это Онъ.

— Не знаю. Будто нѣтъ, а будто и Онъ.

— Онъ,—отвѣчаютъ въ толпѣ.—Никто, какъ Онъ.

— А ты что про Христа скажешь?—спрашиваютъ молодого русаго мужика. У него улыбка чуть не шире лица. У него такая радость въ улыбкѣ и въ глазахъ голубыхъ и дѣтски-ясныхъ. Прапрапраправнукъ онъ Микулы Селяниновича.

— Про Христа ничего не могу. Гдѣ мнѣ о Немъ, о Христѣ-Батюшкѣ!

И обращается къ миссіонерамъ, ходившимъ съ крестнымъ ходомъ вокругъ озера съ иконой Владимірской Богоматери:

— Зачѣмъ вы Владычицу-то противъ солнышка несли? Охъ, Господи! Владычицу самой противъ солнышка!

И такъ обидно ему за Нее, Матеръ Свѣта, что несли Ее противъ солнышка — противъ милаго, яснаго, тихаго сол-

нышка, что всѣ улыбаются на него и радуются, и утѣшаютъ его миссіонеры:

— Приходи завтра: по солнышку понесемъ.

Ночь пришла. Зажглись костры въ лѣсу. Зажглись звѣзды въ небѣ, зажглись восковыя свѣчки въ лѣсу у деревьевъ, на кустикахъ, у озера на обрубочкахъ. Вокругъ озера, молясь Невидимому Граду—Церкви, пошли со свѣчками. Тихо, тихо. Лѣсъ шумитъ. Тѣни бродятъ у костровъ. И люди — какъ тѣни, неслышные и тихіе. Разговоръ о войнѣ, о Вильгельмѣ, о злѣ, хлынувшемъ съ запада на Русь. И говоритъ старушка въ кругъ:

— А спасемъ-ли, родимый, — неизвѣстно. Божій совѣтъ невѣдомъ. Время грозное. Звѣрь вышелъ изъ бездны, и цари земные ратоборствуютъ звѣрю. Иоанново Богословово время, имъ предреченное. „Кто подобенъ звѣрю сему?“ Звѣрь грызетъ, и пагубу дѣлетъ, и брани поднимаетъ. Грѣхи наши изъ бездны звѣря вызвали, грѣхомъ его, проклятаго, питаемъ.

Она знаетъ Апокалипсисъ наизусть, она думала надъ нимъ всю свою жизнь, для нее все, что есть и что будетъ въ мірѣ, заключено и открыто тамъ, въ Апокалипсисѣ; она тиха, и строга, и молитвенна. Какое милое старое лицо! какъ у старой няни, доброй, знакомой,—и няня говоритъ о послѣднихъ тайнахъ. Что же это?

Но просто то, что она говоритъ. Для насъ всемірная исторія—нѣкая безконечность, неопредѣляемая предѣломъ длительность, для нее, какъ и для народа, всемірная исторія есть уповодъ, срокъ, само въ себѣ ограниченное время, Богомъ данное человечеству. Богомъ дана власть и возможность человечеству: въ этомъ времени—опредѣлить себя къ Богу или къ дьяволу, свободно избрать, свободно творить жизнь. Но вотъ — край времени. И если не успѣлъ сдѣлать своей всемірной исторіи къ тому моменту, какъ подошелъ къ краю времени,—все равно, ничего не сдѣлаешь: „времени больше не будетъ“. Мы и стоимъ нынѣ на краю времени: и Россія, и всѣ. Сколько еще осталось этого края—неизвѣстно. Но край виденъ: „времени больше не будетъ“. Исторія конецъ.

— А, можетъ быть, помилуетъ Богъ? Бабушка, милости у

Него—неизмѣримо.—Можетъ быть, сохранить Рассею?—спрашиваютъ у старушки.

— Если срока прибавить, Батюшка, то и не лишимся всё живота, и Россей будетъ.

Сроку прибавить—значить, отсрочить день, первый страшный день, когда „времени больше не будетъ“.

Молиться о продленіи срока всемірной исторіи — вотъ къ чему зоветъ старуха. И молятся, и просятъ, чтобъ не упразднилъ Господь время и продлилъ срокъ всемірнаго дѣланія человѣчества. Такъ молясь, молятся и за Россію, и за всю вселенную.

Глухая ночь. Поздно: два часа. Въ глубинѣ лѣса, у красныхъ костровъ, поютъ. Сквозь сосны, какъ серебро, свѣтится озеро, какъ серебряное подножіе бѣлыхъ стѣнъ невидимаго града Китежа.

— „Ангельскій соборъ удивися, зрѣвъ тебе въ мертвыхъ вѣтнвишася“ — поютъ у костра, въ кругъ. Тихо, тихо. Не будетъ времени, но сердце знаетъ: упразднится смерть: „смертнкую же, Спасе, крѣпость разоривша“. И безконечная надежда радуется всѣхъ китежскою незримою радостью.— „И отъ ада вся свободиша“. И уже не скорбь, какъ теперь, а радость будетъ тогда отъ того, что „времени не будетъ“. Вдругъ кто-то не выдерживаетъ радости этой ночи, этихъ звѣздъ, этого свѣта и этого пѣнія о Побѣдившемъ смертью смерть, и само собой срывается у него, какъ вздохъ, всѣмъ слышный и благодарный: „Господи, какъ хорошо!“

И кажется, это не онъ, а невидимая Русь сказала отъ всего сердца своему Христу, сказала за себя, за свою природу, за свою исторію, за свой трудъ, за испытаніе свое огнемъ войны: „Господи, какъ хорошо“. Ибо все — не безъ Его воли и не внѣ Его силы и власти.

Совсѣмъ, совсѣмъ поздно. Холодно. Свѣтаетъ. Послѣдній кругъ. Тутъ всё въ сборѣ — православные, старообрядцы, раціоналисты, немоляки, и тѣ, кому нѣтъ прозвища, пришедшіе къ Китежу въ надеждѣ и жаждѣ. Молодой начетчикъ кричитъ на всю поляну,—такъ, чтобъ всё слышали:

— Царь нашъ Николай далъ вѣрѣ нашей свободу, а царь

ихъ Вильгельмъ отниметь вѣру, всю вѣру порѣшить и покончить! Стойте крѣпко за царя! Тотъ все порушить, всякую и всяческую вѣру упразднить, гоненіе подниметь. Всѣ вѣры запретить и старую, и церковную, и сектантскую. Бога запретить всякаго, совсѣмъ и навсегда. Никому вѣрить не позволить! Стойте до послѣдняго!

— Антихристъ, безвѣрный—шепчуть въ толпѣ.—Впередъ посланъ. Первые пути прокладать... Путь его обозначился.—Стойте всѣ вѣры за Русь! Тотъ всѣ вѣры упразднить.

Это, кажется, общее убѣжденіе на Свѣтлоярѣ: побѣда Германіи—конецъ вѣрѣ, всякой вѣрѣ. Они всѣ знаютъ,—точно сказали имъ изъ невидимаго Китежа праведники и святые,—что побѣда Германіи, въ духовномъ планѣ, принесла бы намъ ядовитые газы безвѣрія, антихристіанства, вражды ко Христу и грубаго, откровеннаго матеріализма — житейскаго, государственнаго, научнаго—торжество атеизма. И вотъ всѣ—православные, старовѣры, сектанты, всѣ, на правыхъ и неправыхъ путяхъ, но не мимо Бога ходящіе, всѣ—кричатъ: „Стойте крѣпко!“ А тамъ, на позиціяхъ, слышатъ этотъ крикъ изъ Китежа, и стоятъ крѣпко, до кровей, до крѣпости смертной.

Какіе ядовитые газы намъ страшны, если въ народѣ такая благоухающая жажда вѣры, такіе алавастры мвѣра самага цѣлительнаго и святаго! Вотъ онъ, источникъ нашей исторической бодрости, народной бодрости. Война—испытаніе вѣры, она послушаніе, налагаемое Богомъ на вѣрнаго послушника своего. Ни слова унынія не слыхалъ я на Свѣтлоярѣ ни отъ кого изъ разновѣровъ. Всѣ бодрѣ, тихи и крѣпки: такіе-то и страшны врагу; около нихъ за то не страшно за Россію. Что же страшнаго? отъ чего унывать? Душа жива, духъ живъ — а жизнь его оттуда, гдѣ не прекращается жизнь, изъ Невидимаго Китежа. Онъ—твердыня, камень невидимый. Церковь незримая неотлучна отъ насъ. Плачемъ о Ней, порой забываемъ ее, отходимъ отъ Нея, но вотъ и отдыхъ свой несемъ къ Ея же стѣнамъ, и забвеніе свое приносимъ къ Ней же и всѣ тяготѣемъ къ Ней, вольно и невольнo, любовно или скорбно. Она не только „столпъ и утвержденіе истины“—Она утвержденіе жизни, Она источникъ бодрости народной. У тебя сомнѣніе?—неси его къ Ней. У тебя радость?—неси къ Ней же. У тебя скорбь?—къ Ней же. И несуть, и топятъ

свое личное—въ ея сверхличномъ, свое робкое и слабое—въ ея вѣчно-бодромъ и живомъ.

Церковь незримая — вотъ сердцевина Руси, ея крѣпкое мѣсто, ея непреступный врагу бѣлостѣнный Градъ Китежь. Тотъ, кто прибѣгъ къ его стѣнамъ, не знаетъ страха—а если и узнаетъ, такъ изгонится страхъ звономъ китежскимъ, который поистинѣ слышенъ въ эту ночь вѣры, сущей или искомой. Церковь незримая—крѣпкій градъ Руси—есть вмѣстѣ и истинная крѣпость Россіи, которая не сдается никому врагу.

III.

Груститъ Россія. Россія грустна. Никогда не вѣрится окончательно въ русскую радость, въ русскій восторгъ, въ русское отчаяніе, но въ русскую грусть вѣрится — и какъ въ нее не вѣрять! Вѣдь зналъ же это Пушкинъ, восклицая: „Боже, какъ грустна наша Россія!“ Вѣдь зналъ же это Ключевскій, утверждая, что русская грусть есть основное въ исторіи жизне- и душе-настроение русскаго народа. Онъ же хорошо намѣтилъ объясненіе ея первоисточника: онъ религиозный, христіанскій, православный; онъ—въ молитвенномъ прошеніи: „Да будетъ воля Твоя!“ Въ войнѣ этой *какъ будто* Россія не грустила: негодовала, надѣялась, восторгалась, иногда близилась къ отчаянію—но нигдѣ не видно грусти. Отъ газетнаго листа не провѣтъ грустью: газета никогда не груститъ: зоветъ къ негодованію, къ осужденію, къ надеждамъ, но грусти нѣтъ. Ни военное донесеніе, ни воззваніе благотворительнаго комитета, ни быстро обвѣгающій всѣхъ военный слухъ—не зовутъ къ грусти и какъ будто не вызываютъ ее. Но груститъ Россія по-прежнему и больше прежняго, груститъ по сѣренькимъ проселкамъ, груститъ въ пыльномъ третьемъ классѣ переполненнаго поѣзда, груститъ въ случайномъ тихомъ ночномъ разговорѣ: затѣется онъ случайно, и вдругъ встревожитъ и подниметъ со дна грусть—неслучайную, вѣковую, постоянную, ту самую, въ глубинѣ которой тихое и покорное прошеніе: Да будетъ воля Твоя!

Нигдѣ я не видѣлъ такой грусти, сіяющей свѣтомъ тишины, благотворной, неизбѣжной, отъ лица земли къ Богу идущей, какъ въ Оптиной пустыни, во дни войны. Тутъ

ясно — что въ этой грусти, какъ въ жизни- и самочувствіи, подлинная *Россія*, потому что подлинная *Русь* тутъ же.

Не могу и не смѣю говорить, что такое Оптиная пустынь. На это нѣтъ силъ, нѣтъ умѣнья, нѣтъ права: для каждаго она можетъ быть совсѣмъ иной, новой и своей, иначе религиозно дѣйствующей и по-иному спасающей,—вѣрно только, что непремѣнно спасающей. Вспомнимъ только, что спасались ею такіе разные, какъ Гоголь и Константинъ Леонтьевъ, Иванъ Кирѣевскій и простой мужикъ. Буду говорить лишь о томъ, что они для всѣхъ насъ теперь, въ дни войны.

Народная волна широко плещется въ Оптину. Осень. Монастырскій боръ стоитъ весь золотой, многшумный, сіяющій въ солнечномъ золотѣ. Доцвѣтають послѣдніе цвѣты въ скиту. Тишина на монастырскомъ кладбищѣ. Приходишь не въ первый разъ—и по новому прислушиваешься къ тишинѣ, къ тихому полуночному звону. Неугасимо и благодатно теплятся лампады на могилахъ великихъ старцевъ—Леонида, Макарія и Амвросія. Молишься за нихъ и вспоминаешь ихъ, праведно отшедшихъ.

Опять подходишь къ чугунному кресту на могилѣ Ивана Кирѣевскаго, что лежитъ въ ногахъ старца Леонида, и вспоминаешь опять слова митрополита Филарета: „Ахъ! гдѣ Богъ удостоилъ его лечь!“ и опять перечитываешь мудрое надгробное напутствіе знаменитому философу и смиреннѣйшему послушнику Оптиному: „Премудрость возлюбихъ и поискахъ отъ юности моя. Познавъ же, яко не инако одержу, аще не Господь дастъ, приидохъ ко Господу. Узрять кончину премудраго и не уразумѣють, что усоуѣтова о немъ Господь!“ (Прем. Солом, 8, 2 и 21). Не удержишься отъ думы: христіанская мысль, смиренно проникшая къ христіанскому вѣдѣнію и подвигу—не въ этомъ-ли смыслъ и безмолвный зовъ этой могилы, одной изъ драгоцѣннѣйшихъ русскихъ могилъ? Не въ этомъ ли причина, что сюда влекло Гоголя, Леонтьева, Алексѣя Толстого, Достоевскаго, Влад. Соловьѣва, Льва Толстого? Какъ хорошо сказалъ объ этомъ Гоголь въ письмѣ къ Оптиному старцу: „Ради самага Христа молитесь: мнѣ нужно ежеминутно, говорю вамъ, быть мыслями выше житейскаго дрязгу и на всякомъ мѣстѣ своего странствія быть въ Оптиной пустыни“. Да, быть въ Оптиной,—быть въ ней всегда, когда пишешь, учишься, работаешь,

страдаешь, умираешь далеко от нея—и быть все же въ Оптиной—„на всякомъ мѣстѣ странствія въ Оптиной“—за долгими и животворными нѣчными службами, за тихой лаской Оптинской тишины, за правдой оптинскихъ могилъ, за мудрой властью и хранительной любовью оптинскаго старца. Гоголь сказалъ то, что сказали бы всѣ, оживотворенные оптинской любовью и властью, всѣ отъ Кирѣевского до плачущей бабы.

Какъ будто нѣтъ войны, нѣтъ тревоги, нѣтъ смуты. Строго и мудро свершается кругъ церковныхъ службъ. Не суетно проводится время. Безмолвно и радостно въ скиту. Шумить золотой боръ. А народное горе льется, льется сюда—но оно иное здѣсь, чѣмъ въ деревнѣ и городѣ; оставлено за стѣнами все суетливое, виѣшне-плакучее—народная нагота здѣсь воистину смиренна и цѣломудренна. Здѣсь счорбная, плачущая, нищая, тихая Россія. Раненые солдаты бродятъ тихонько по лѣсу или крестятся часто и истово въ темномъ углу собора, опираясь на костыли. Вереницы бабъ тянутся отовсюду, тянутся, какъ къ себѣ домой, на побывку изъ чужой стороны, тянутся съ дѣтьми, съ древними старухами, съ еще болѣе древними стариками... Бѣженки-монашки изъ западной Россіи ютятся гдѣ-то около монастыря, и въ церкви тѣснѣй, чѣмъ всегда, и, кажется, еще тише отъ нихъ. Но не эти только. Большой офицеръ съ палкой; сельскіе батюшки въ порыжѣвшихъ помятыхъ рясахъ: ихъ не отличишь издали, если смотрѣть только на лицо, отъ тѣхъ же мужиковъ; парни въ сапогахъ и полушубкахъ, будущіе призывные; и еще, и еще, и еще. Тянется Россія къ здѣшней Руси, а здѣшняя Русь — это милая радующая улыбка старца Анатолія, „простого“, какъ зоветъ его народъ, вкладывая всю ласку и нѣжность въ это слово: это—долгія, долгія службы въ полутемной церкви, въ древней неторопливости, покоѣ и свѣтѣ, это—ласка православія¹⁾. Всѣ тянутся на эту ласку, за которой сила и жизнь.

Да оно—*ласково*. Въ этомъ все. Церковь ласкова. Какая ласка человѣку отъ науки, отъ государства, отъ общества, отъ социологіи? Никакой и никогда. „Права и обязанности

¹⁾ О ласкѣ Церкви есть примѣчательныя замѣтки въ послѣднихъ книгахъ В. В. Розанова „Уединенное“ и „Опавшіе листья“.

гражданина“. „Прямая есть кратчайшее разстояніе между двумя точками“. „Законъ убывающаго плодородія почвы состоитъ въ томъ, что...“ „Всякій, входящій въ составъ политической партіи обязанъ...“,—вотъ что слышитъ человѣкъ внѣ Церкви, но что это душѣ, но что это человѣку съ его неоплакаемой скорбью и духомъ неутолимымъ?

Государство всегда строго: только тогда оно и государство—ласковыхъ государствъ нѣтъ. Наука—предъ человѣческой душой, какъ нѣмка бонна съ вымытымъ чистымъ холоднымъ лицомъ безъ улыбки: не узнаешь, сердится-ли или довольна: скучное лицо,—не пожалѣетъ, не поддержитъ, не порадуется надъ человѣкомъ. Соціализмъ—завидучъ, съ глазами завидучими: мысль социалистическая всегда вещь—некогда улыбнуться и охоты нѣтъ, нѣтъ влеченія къ человѣку—надо производить и распредѣлять вещи? Не до человѣка. Конечно, въ искусствѣ есть улыбка и ласка, но она идетъ не ко мнѣ, Петру, Ивану, Василию, а вообще къ людямъ: всѣмъ—и никому, т. е. въ концѣ концовъ тоже никому.

И только въ Церкви ласка *каждому, только ей каждый нуженъ*, о каждомъ забота, до cadaго дѣла: она—отвѣтчица и на боль, и на радость, и на смерть, и на рожденіе—и не на боль, радость, смерть *вообще*, а на отдѣльную, *мою, мнѣ* большую боль, *меня* берущую смерть, *меня* охватывающую радость. Земля—большое, больное мѣсто, и всѣмъ больно, всѣмъ—совсѣмъ не отъ социальныхъ несовершенствъ больно, не отъ политическихъ неурядицъ, не отъ того даже, что болѣемъ и старѣется, а метафизически больно, внутренно, гдѣ-то въ глубинѣ всего существа человѣческаго больно. изначально больно, какой-то корень человѣческаго существованія боленъ и ноетъ постоянно: это—то безликое, всеобщее, метафизическое „плачется“, которое таится за всякимъ личнымъ „плачу“. Этого не утѣшить искусство, не исцѣлить наука, не устранить государство—они лишь отвѣчаютъ сквозь зубы на боль всечеловѣческую: „Законъ такой-то состоитъ въ томъ, что...“ „Проблема распредѣленія при социалистическомъ строѣ ставится...“

Я говорю не о богословской системѣ, не о книгѣ, а о *мѣстѣ Церкви*, о совсѣмъ опредѣленномъ, реальномъ мѣстѣ, на которое можно стать и плакать, или радоваться, о мѣстѣ, на

которомъ стоишь и знаешь, какъ тебя, въ твоей всечеловѣческой, древней метафизической боли жалѣють, ласкають, привѣчаютъ, преодолѣвають твою древнюю боль отовсюду: древніе огоньки свѣчей—огни еще катакомбныхъ временъ,—древняя, съ древними слезами и надеждой, пѣснь „Свѣте тихій“; древнія страницы изъ „Притчей Соломоновыхъ“, древній и вѣчно новый разсказъ евангельскій, какъ Христосъ пожалѣлъ наинскую вдову и воскресилъ ей сына. Пожалѣлъ Богъ человѣка, что больно человѣку, и пожалѣлъ человѣчески-просто: душевно, тихо, но такъ, какъ не можетъ пожалѣть человѣкъ: до конца, до полного устраненія метафизическаго корня этого общечеловѣческаго больно: *воскресилъ*.

Религія іудейская и греческая ласкали тѣло: одна говорила ему: „плодитесь и множитесь“—это ласка тѣлу: ты коршее, доброе, нужное; Афродита, чтимая и изваянная,—это тоже ласка тѣлу: ты прекрасное, ты блаженное, ты вѣчное... Но *душу* обѣ не ласкали, до глубокаго метафизическаго корня человѣческаго „больно“ обѣ не доходили. „Множьтесь“—а если не хочу множиться, потому что больно и душа изнываетъ отъ этого „больно“? Страдающему Іову не скажешь: „множьтесь“. Отвѣтить Іову нельзя было Богу и не нужно, но душу его охватить нужно было лаской Церкви церковно—обрадовать надо было, а это могъ бы только Христосъ: онъ первый обласкалъ человѣка, ибо первый, и единый былъ Бого-человѣкъ. И греки древніе оттого и печалились и грустили—мы мало обращаемъ вниманія на эту древнюю греческую скорбь—оттого, что не знали метафизической этой ласки Бога къ человѣку. И Сократа хорошо бы приласкать церковной лаской; Сократъ умиралъ грустно, честно и одиноко, умиралъ, какъ воинъ, окруженный врагомъ: пробиться нельзя, остается достойно и безнадежно умереть, и какъ хочется, чтобы его, грустнаго и безнадежнаго, пожалѣлъ Христосъ—вотъ такъ, какъ обласкалъ наинскую вдову, блудницу съ ароматами и разбойника на крестѣ. Гдѣ же эта ласка у евреевъ и у грековъ? Ея нѣтъ нигдѣ, кромѣ Церкви: это Ей одной даль, Христосъ охоту и силу вырывать корень метафизическаго, вѣчнаго, глубочайшаго и всяческаго „больно“ изъ человѣческаго существованія. Іоаннъ Златоустъ сказалъ: „Богъ и намѣреніе цѣлу-

еть“,—ду, а вотъ Церковь душу цѣлуеъ реально, дѣйстви- тельно, ошутимо. Не катехизисомъ, конечно, не богословской статьей, не патріаршествомъ или синодомъ, а вотъ этимъ един- ственнымъ въ мірѣ поцѣлуемъ, тихимъ, древнимъ и непре- рывнымъ поцѣлуемъ Церкви цѣлуеъ въ полутемномъ храмѣ съ красненькими огоньками на канунѣ за умершихъ, предъ Спасомъ и Богородицей, въ долгомъ и тихомъ протяженіи вечерней службы, за которой и изъ Соломона прочтуть, и помянутъ ласку Христову людямъ, и поплачуть вѣчными слезами о томъ, что дни человѣческіе, какъ трава, и о томъ, что „отъ юности моя мнози борять мя страсти“—и обрадуютъ вѣстью о воскресеніи,—и сколько во всемъ этомъ древнихъ и новыхъ слезъ смѣшалось, и сколько накопилось за вѣка тишины и покоя, смѣнившихъ прежде—іудейское, грече- ское, языческое—„больно“. Церковь цѣлуеъ каждого и каж- дую лично, отдѣльно, порознь каждого и всѣхъ вмѣстѣ, всегда и ежечаство, въ каждую нужную минуту.

Я нигдѣ и никогда такъ ясно и незабываемо не чувство- валъ этого поцѣлуя Церкви, укрѣпляющаго и испѣляющаго душу, возстановливающаго жизнь, на себѣ и на другихъ, какъ въ Оптиной пустыни.

Съ утра передъ кельей старца, въ церковной трапезной и въ сѣняхъ ждетъ народъ. Раненый офицеръ; монашка-бѣ- женка; бабы—всякія: старыя, молодья, шумливыя, безпо- койныя, тихія, зажиточныя, нищія; дѣти: кто на рукахъ у матери, кто бѣгаетъ и смѣется; монахи; мужики; кур- систка изъ Москвы; сельскій батюшка; я самъ. Какіе мы разные! Какъ все, рѣшительно все, у насъ разно, пестро, путанно. Но всѣмъ больно. На разные лады больно, но больно. За этими болями мысленными, физическими, ду- ховными, одиноко личными, общими—русскими, за этими многоликими болями сильнѣе и больнѣй всѣхъ болей та вѣч- ная, метафизическая боль, которую легче всего опредѣлить апостольскими словами: „единѣмъ человѣкомъ грѣхъ въ мірѣ вниде и грѣхомъ смерть и тако смерть во вся чело- вѣки вниде“.

Тамъ, у тихаго озера Свѣтлояра, эта боль многоголоса, ино- гда шумлива, иногда косноязычна, иногда глубоко недоумѣнна.

Она тянется къ врачу: боль врача ищетъ,—мучится тѣмъ, что дойти до врача трудно, слабѣетъ на пути и все таки вѣрять, вѣрять, что Врачъ есть, что Врачъ излѣчитъ всѣхъ, вмѣстѣ, соборне. *Здѣсь*, вышедшіе оттуда, уже пришли—и вотъ лежатся. и вотъ припадаютъ къ Врачу въ Его вѣчномъ домѣ—въ Церкви.

Въ два часа выходитъ старецъ къ этимъ разнымъ, пестрымъ и впервые собраннымъ вмѣстѣ. У него и словъ-то почти нѣтъ; то, что онъ говоритъ, просто и очевидно до крайности, зналъ и раньше, читалъ, слышалъ, помнилъ—и вотъ слышишь отъ него въ *первый* разъ. Рѣшеніе, которое онъ предлагаетъ, сотни разъ приходило на умъ—и нѣтъ: оно *ново*, оно въ *первый* разъ. Разные при немъ не разные, и общій корень страданія, общая боль обнажается до конца. Онъ всѣхъ объединяетъ лаской и поцѣлуемъ Церкви. „Богъ и намѣреніе цѣлуетъ“—вотъ и онъ, научившись у Бога, у Христа, цѣлуетъ всѣхъ, не разбирая—однихъ за горе, другихъ за радость, однихъ за слезу, другихъ за улыбку, тихихъ за тишину, у тѣхъ, кому больно, боль ихъ цѣлуетъ, у тѣхъ, кому свѣтло, свѣтъ ихъ цѣлуетъ. Предъ нимъ, въ тишинѣ и простотѣ, впервые начинаешь самъ видѣть себя—свою душу и начинаешь видѣть *свое*: вотъ то свое, въ чемъ вязнетъ жизнь и глохнетъ душа, изнашиваетъ сердце, и чему простое и страшное имя: грѣхъ.

Отворилась дверь. Вышелъ онъ бодро, быстро, благословляетъ такъ, какъ никто кромѣ него не благословляетъ: какъ будто дарить что-то, подарокъ передаетъ изъ руки въ руку, одѣляетъ чѣмъ-то милымъ и сладкимъ и всѣ ждуть, и просятъ, и рады этому его подарку. Бабы плачутъ около него, бабы изъ осиротѣлыхъ деревень: почти у всѣхъ есть убитые, раненые, пропавшіе на войнѣ. Вотъ, кажется, захлестнетъ его, слабого и стараго, волна народнаго горя. Гребень волны воетъ и плачетъ.

— Родимый ты нашъ! Одинъ ты у насъ остался! Больше никого нѣтъ—всѣхъ взяли. Ты одинъ остался! Одинъ ты нашъ!—Льнутъ къ нему плачутъ долго накопленными слезами тихо и безукорно.

Блѣдное и остановившееся, что-то все время хранящее въ себѣ, лицо у одной бабы. Еще молодая, но гдѣ ея молодость? Въ сѣромъ платьѣ, съ котомкой за плечами—вся недоумѣ-

ніе и скорбь, она безъ слезъ тихо склоняется предъ нимъ, и едва слышно, что она говорить ему:

— Годъ не пишеть. Годъ безъ вѣстей. Молиться не знаю, какъ. Нѣтъ знатя: живъ или померъ, панихиду или молебенъ служить? Истомились я. Научи ты меня.

— Что ты, что ты! Молебенъ служи,—поднимаетъ онъ ее, благословляя.

— Кому, батюшка?

— Нечаянной Радости молись.

И свѣтлѣетъ ея лицо, и прямѣе идетъ она, словно расту онъ ей прибавилъ. Она вѣрить: Нечаянная Радость обрадуетъ ее. И она права: радость неисчерпаема и она вся нечаянна, ибо вся—даръ Божій. А онъ не сказалъ, не взялъ на себя сказать, какая это будетъ радость. Онъ только зналъ, что Богъ не минуеть человѣка радостью. Немудрый отвѣтъ, немудрая ласка. Но вотъ этого-то немудраго, простого, оживляющаго и восстанавлиющаго изнемогающую душу, восстанавлиющаго образъ Божій въ человѣкѣ и нѣтъ *нигдѣ* въ мірѣ, кромѣ Церкви и никому другому не дано давать этого отвѣта.

Я вернулся въ сѣнцы старца черезъ много часовъ, около девяти вечера. Отошли всѣ службы въ монастырѣ. Старецъ сидѣлъ на скамеечкѣ у растворенныхъ дверей своей кельи и благословлялъ на сонъ грядущій монаховъ, подходившихъ къ нему одинъ за другимъ: ласкалъ за день, цѣловалъ на ночь, ласкалъ за сѣрый, можетъ быть, тягостный, мирный или немирный день, цѣловалъ на ночь, можетъ быть, тяжелую и мучительную однимъ, тихую и простую другимъ. Но *всѣхъ* ласкалъ, каждаго цѣловалъ. А они подходили всякіе: совсѣмъ мальчики съ юными мужиковатыми лицами, старики, тихіе и улыбающіеся въ бороду по-дѣтски, и старики сухіе, высокіе, суровые, и всякіе, всякіе. А ласка всѣмъ. Старецъ усталъ за день. А конца не видно. Монахи пройдутъ—ждутъ исповѣдники, опять бабы, опять всякія. И такъ каждый день.

Глупое слово срывается поневолѣ: Церковь организуетъ ласку людямъ, метафизическую ласку, цѣлящую душу, врачующую тѣло, идущую прямо отъ Христа, но совершенно реальную, осязаемую, живую. Что реальнѣй, чѣмъ этотъ сухой старичокъ, быстрый, веселый, всѣхъ

радующій: реально поводитъ рукой по головѣ, реально улыбается, реально ко всѣмъ торопится, всѣхъ встрѣчаетъ на полпути ко Христу, на первомъ шагѣ къ Нему... Онъ добръ не собственной добротой,—хотя, конечно, онъ до очевидности и лично добръ, каждымъ своимъ суставомъ и кровинкой,—добра Церковь, ласкова Церковь, цѣлуетъ Церковь челоуѣка—оттого добръ, ласковъ, цѣлуетъ и онъ; этого старичка и нѣтъ, не можетъ быть внѣ Церкви, а она добра, ласкова, она цѣлуетъ потому, что цѣлуетъ Христось челоуѣка. Онъ сталъ на грубое и жестокое мѣсто міра: на древнюю скорбь и отчаяніе, на древнее „больно“ — и на немъ основалъ Свою Церковь. Въ ней же, на этомъ мѣстѣ стоитъ старичокъ, къ которому лѣзутъ и бабы, и Кирѣвскіе.

Осень. Сколько опавшихъ листьевъ въ оптинскомъ бору—золотыхъ, красныхъ, желтыхъ багровыхъ! А въ церкви старое золото, листикъ за листикомъ благодатно отпадая отъ неистоцимаго церковнаго древа, падаетъ на каждаго и на каждую.

А народная туга и скорбь плещутся, плещутся, не слабѣя. Рассказываетъ монахиня - бѣженка; а сама слышала отъ мужичка: пріѣхалъ съ хворостомъ и рассказалъ.

— Гдѣ же это было?

— Не знаю, гдѣ. А только въ деревнѣ у войны. Стояла избушка бобылкина у околицы, нежилая. И видитъ народъ: ночью, о полночь, старецъ бѣлый приходитъ и свѣтъ возжигаетъ въ избушкѣ и всю ночь со старицей бесѣдуетъ, а старица лицомъ благообразна, а одѣяніе темное. Вызвался парень: Погляжу, говорить, кто такіе. Что дадите?—Рубль дадимъ.— Пошелъ глядѣть, въ вечеру въ избу пришелъ, залегъ на печи, притулился, словно мертвый лежитъ. Передъ полночью дверь скрипѣ, и входитъ старецъ, крестомъ осѣняется. Старецъ согбенный, одѣяніе бѣлое, суровое, мѣшокъ за плечами, посошокъ, лицо ясное. Помолился на образъ, свѣтъ зажегъ. О полночь всталъ и земной поклонъ кладетъ — и дверь растворяется. И входитъ старица: ликъ свѣтлѣйшій и благой, но только въ скорбяхъ истомленъ, одѣяніе старицы, какъ у монахини. Въ схимѣ она. Съла старица за столъ, а старецъ земно ей кланяется и молвитъ ей: — Три года, Госпожа, не выдержитъ Русь: кровью изойдетъ и живота ли-

шится. Моли, Госпожа.—Молила, отвѣчаетъ, и на годъ укорочено время.—Моли, Госпожа, дабы еще укоротить и сего Русь не выдержитъ: слабѣтъ. Крови много ушло.—Молила, говоритъ,—не принята моя молитва: по грѣхамъ ея не укоротится срокъ сей. Два года молитвы мои не воспримутся о ней.—Моли, Госпожа.—Сталь старецъ на колѣни. Встала старица, лицо свѣтлое, а скорбитъ скорбно.—Молю—и не доходить молитва: два года Руси испытаніе назначено и не отнимется отъ нея.—И тутъ стали они промежь себя говорить, тихо и горестно, и все о войнѣ. И долго говорили они. А потомъ подошелъ старецъ бѣлый къ печи, гдѣ парень лежалъ и молвить: Ну, вставай, иди къ намъ. Видѣтъ насъ хотѣлъ. Смотри.—А у того глаза свѣтъ заститъ, языкъ немѣтъ.—На рубль-то, что сулили тебѣ,—старецъ говоритъ и протягиваетъ ему въ руку. И кажется тому, будто рубль въ рукѣ. Поглядѣлъ: никого нѣтъ. Свѣтаетъ. А рука къ рукѣ присохла, кисть къ кисти. Такъ все и узнали.

— Два года! — восклицаетъ кто-то горестно. — Выдержимъ-ли?

— Никто, какъ Богъ.

И всѣ крестятся молча, въ разъ и жмутся другъ къ другу, а всѣ вмѣстѣ къ старцу, къ его дверямъ.

Можно-ли скорбѣе переживать нынѣ переживаемое? Два года Самъ Христосъ молитвъ Матери Своей за Русь не будетъ слушать. Кто-же и какъ послѣ этого дерзнетъ молить? Нагрѣшила Россія и прогнѣвала Бога безпримѣрно. Но нѣтъ въ нихъ отчаянія. Они не одиноки, какъ мы. Вѣдь ихъ послѣднее и самое прочное—это прошеніе: „Да будетъ воля Твоя“. Оптина—для нихъ мѣсто, гдѣ это прошеніе особенно легко, полноувѣсно и свободно можно вознести Богу, а старчество оптинское все, до основанія, на этомъ и построено: „Да будетъ воля Твоя!“ Старчество для современнаго рационалистическаго своеволія, для этого безпримѣрнаго одиночества человѣческаго ума, покинутаго на самого себя,—есть особая удесятеренная нелѣпость. Свобода подчиниться и свобода не принять подчиненія—въ старчествѣ такъ же велика, какъ и вообще въ христіанствѣ. Старчество, какъ и христіанство, все основано на благодати, а не на законѣ, и однако эта свобода ведетъ къ величайшей покорности. „Хочу жениться, батюшка“. — „Нѣтъ, тебѣ это не полезно“. И не же-

нится.— „Хочу въ монастырь“. — „Нѣтъ, иди въ міръ“. И идетъ. „Не хочу міра, хочу монастыря“. — „Нѣтъ, пиши романъ“. И пишетъ. (Случай съ К. Леонтьевымъ и великимъ старцемъ Амвросіемъ). Вотъ, что такое старчество. Но безсходное эмпирическое и метафизическое одиночество человѣческой личности падаетъ, какъ прахъ, при этомъ. Про современнаго человѣка Тютчевъ точно выразился:

На самого себя покинуть онъ,—

на свою собственную ограниченность, легкую вѣшнюю и внутреннюю, эмпирическую и метафизическую, исчерпаемость, на свою короткую прѣдѣльность, на свое слабосиліе и малодушіе. Современный человѣкъ все ставитъ и возлагаетъ на себя, на свою мысль, волю, силу: онъ самъ себя обдумаетъ, онъ самъ защититъ себя, онъ самъ волитъ о себѣ. И вотъ гибнетъ его воля, беззащитенъ онъ со своей защитой, не обдумала всего и всецѣло его мысль. Онъ самъ какъ бы покидаетъ себя. Въ чемъ тогда искать опоры? Природа равнодушна и холодна. Наука — это лишь разъятая на части, препарированная природа, она еще равнодушнѣе, ибо даже не жива. Искусство — но оно беспомощно, какъ самъ человѣкъ, его высшій объектъ и субъектъ. Философія возвращаетъ меня ко мнѣ же, ибо, учитъ она, все, какъ мое представленіе, оказывается испешшимъ изъ меня же. Богъ не стоитъ за человѣкомъ. И безграничное отчаяніе овладѣваетъ имъ,—ибо воистину на самого себя покинуть онъ.—

Упраздненъ умъ, и мысль осиротѣла,
Въ душѣ своей, какъ въ безднѣ, погруженъ.
И нѣтъ извнѣ опоры, ни предѣла.

Въ Церкви же нѣтъ одиночества и потому нѣтъ отчаянія, ибо нѣтъ этой невыносимой для человѣка покинутости на самого себя. Не удалось мое дѣло — *мое*: безразлично, чье: меня, отдѣльнаго человѣка, меня, цѣлаго народа — я знаю: есть Нѣкто, кто поможетъ мнѣ совершить это дѣло, если ему должно совершиться. Не исполнилась моя надежда,—все равно какая: личная, національная, всенародная—я знаю: не отъ меня зависѣло всецѣло исполненіе ея, я не одинъ; за мною есть сильнѣйшій меня, истинный Дѣлатель въ мірѣ и въ человѣчествѣ. Я никогда, ни на одинъ мигъ не покинуть на

самого себя, на свою одну волю, на свою одну мысль. Тысячи нитей связываютъ меня съ цѣлымъ. Я не слагаемое въ суммѣ, гдѣ я исчезаю, какъ особь. Я ячейка живого существа, я клѣточка могущественнаго и вѣчно живого организма—Церкви Христовой. Недавно послалъ Богъ Россіи мыслителя, кн. Д. А. Хилкова, убитаго на этой войнѣ¹⁾. Онъ пишетъ: „Члены Церкви Христовой по Его концепціи суть какъ бы живыя клѣточки Его тѣла и всѣ вмѣстѣ въ совокупности и съ Главою своею — Христомъ, составляютъ одинъ Богочеловѣческій организмъ“. Возможно ли одиночество и отчаяніе живой клѣтки въ живомъ организмѣ? Это очевидная нелѣпость и невозможность. Клѣточка жива и связана всецѣло съ жизнью всего организма. За существованіемъ отдѣльной клѣтки, отдѣльнаго человѣка, стоитъ существованіе огромнаго и вѣчно живого организма — Тѣла Христова, Церкви. Задача же клѣтки—въ полнотѣ выполненія ея доли участія въ жизни организма. И эта жизнь человѣческихъ клѣточекъ въ Церкви безгранично разнообразна, глубоко индивидуальна и полна. Вотъ человѣкъ-клѣточка участвуетъ въ жизни организма Церкви—исполненіемъ заповѣди милосердія. Вотъ клѣточка-человѣкъ, живущій даромъ молитвы, присутіемъ ему. Вотъ клѣточка-человѣкъ, связующій свое существованіе съ существованіемъ цѣлаго организма, мыслительнымъ служеніемъ Христу—Божественному Логосу. Вотъ двѣ клѣточки, сливающіяся въ одну: это исполнившіе заповѣдь любви къ другу, это тѣ, кто въ агапической любви всего организма-Церкви участвуютъ своею любовью,—дружбой—*φιλία*, это двое въ душу и духъ одинъ; ихъ дружба, ихъ утвержденіе себя въ другомъ и обоихъ—во Христѣ есть церковный прорывъ одиночества; въ любви-дружбѣ (*φιλία*) уже не покинуть человѣкъ на самого себя. Нѣтъ возможности указать на все многообразіе жизни отдѣльной клѣтки въ организмѣ Церкви, и каждая такая жизнь есть разрушеніе эмпирическаго и метафизическаго одиночества — всяческаго одиночества.

¹⁾ Его письма печатаются въ „Богосл. Вѣстн.“ за 1915—16 г.; отдѣльно „Письма кн. Д. А. Хилкова. Вып. I. Изд. Религіозно-филос. Библ. М. 1915 г.

Этого одиночества не знаетъ народъ, пока онъ въ Церкви; онъ переживаетъ свою исторію не какъ *свое* только дѣло. Въ этомъ все. Если не ладится это *свое* дѣло, то руки отваливаются отъ работы и уныніе овладѣваетъ, ибо не вѣришь ужъ въ свои силы. Народъ переживаетъ каждый страдный часъ исторіи, какъ великое испытаніе, за которымъ есть Испытывающій: Богъ, который не даетъ человѣку быть одинокимъ. Народъ можетъ слабѣть и грустить, но есть Крѣпкій, *Святый крѣпкій*, который не ослабнетъ. Вотъ этой вѣрѣ въ Святаго крѣпкаго и учитъ Оптина, и учитъ старчество, и учитъ народная грусть. Народъ въ Церкви живущій все въ мірѣ сводитъ къ одному знаменателю, знаменующему силу, и правду, и жизнь,—къ Богу. Оттого, когда Россія въ отчаяніи льнетъ къ газетному листу, къ военной телеграммѣ верховнаго главнокомандующаго, къ слуху, сообщающему, сколько изготовлено шрапнели, Русь льнетъ къ молитвѣ, къ незримому Китежу, къ зримой Оптиной пустыни,—къ Богу. И онъ находитъ, что ей нужно: находитъ великую святую тишину въ себѣ. Безъ этой тишины въ себѣ невозможно никакое ни личное, ни историческое народное благое дѣланіе. Служеніе верховнымъ задачамъ блага—личнаго или сверхличнаго, какъ и служеніе музѣ, „не терпитъ суеты“: оно „должно быть величаво“.

Есть только одно мѣсто на свѣтѣ, навсегда лишненное суеты, изъятое изъ міра человѣческой случайности, изъ міра природной необходимости и беззащитности: не государство—оно есть олицетворенная и узаконенная необходимость, не общество—оно есть живая случайность и перемѣнность, это—Церковь, Тѣло Христово, живой организмъ, исполненный истинной жизни, состоящій изъ живыхъ клѣточекъ, живущихъ и въ цѣломъ, и въ себѣ, не выходя изъ цѣлага. Только живя въ благомъ устройствѣ и тишинѣ этого организма, не знающаго суеты, случайности и слѣпой необходимости, только живя и соучаствуя въ немъ, мы обрѣтаемъ тишину въ себѣ, дающую силу для дѣйствительнаго величаваго дѣйствованія личнаго, общественнаго и народнаго, потому что глава и начальникъ этого тѣла и организма Христосъ есть вмѣстѣ и *начальникъ тишины*. Да, такъ именуется Его Церковь, когда благодарно поетъ Его Матери: „*Ты бо Богоневѣстная начальника тишины Христа родила еси,*

Едина Пречистая“. „Начальникъ жизни“ Христось вмѣстѣ есть воистину и *начальникъ тишины*, ибо суетливо и шумливо лишь слѣпое бываніе, мнимый образъ жизни, а не истинное бытіе и жизнь, которыя обрѣтаются въ вѣчномъ покоѣ и полнотѣ.

Къ этому *начальнику тишины* обращены и тайная китежская молитва у стѣнъ тихаго града Невидимаго, и тихая, хотя и явная, молитва тихихъ ночныхъ службъ оптинскихъ,— тихая молитва непримѣтной и молчаливой святой Руси. Пусть же она, въ тихости и смиреніи своей молитвы, въ тишинѣ своей покорности: „Да будетъ воля Твоя“—до конца припадетъ къ единому Владыкѣ — Начальнику Тишины, и Онъ, Начальникъ Жизни, дастъ ей вѣнецъ жизни.

Сергей Дурылкинъ.
